

Мария ГУДЫМА

ДАЛЬШЕ — ТИШИНА

Именно в этот день много лет назад его покинула жена, мать дочери-клоунессы. Больно до сих пор. Хотя не так уж беспросветно его одиночество, раз пытается дозвониться более молодая коллега. Дочурка ревниво ей скажет, что отец пока не может ответить (он перезвонит позже, сам...).

Не встречая ответных реплик, дочь спешит выговориться ("Мне надо сегодня что-то расставить по своим местам"), рассказать о последних забавных случаях и, что гораздо важнее, о сомнениях по поводу возможности обрести счастье в любви. Карина Шрагина искренне произносит свои монологи, расставляя на столе праздничное угощение, демонстрируя танец из своего нового номера (пластична!), распевая знакомый с детских лет романс (музыкальна!). А целью всех ее рассказов, опять-таки, по Слуцкому, обращение к отцу: "Прошу ответ". Что ей делать с любовью к музыкальному эксцентрику Валерушке, обремененному женой-инвалидом (в пьесе еще упоминается малолетняя дочь, бледный картофельный росток с глазами-блюдцами)?! Поддаться чувству? Но как тогда быть с величием души? Вот такой вот, по ее выражению, "ангельский ад"...

Невозможно передать словами все тонкие реакции Семена Крупника на реплики партнерши, они выражаются в движениях глаз, полуулыбках, досадливых движениях плечами... Как этот корифей "школы представления" умеет играть "по Станиславскому", от внутреннего — к внешнему... Когда уж совсем нельзя не прореагировать, отец пишет на огромном листе бумаги рядом со своими математическими формулами: "Ты всегда была колючей девочкой, — поэтому я и звал тебя не Леночкой, а Ёлкой", "Ты забыла рассказать мне об ангельском аде", "Я гений"... А потом, вынырнув из внезапного провала сознания (Семен Крупник сыграл этот жуткий момент "спиной", да так, что зал ахнул и подолся вперед — подхватить), заговорил, потому как кто же скажет неразумной дочери про высший дар любви, которого удостоивается далеко не каждый, и который грешно отвергать. При всем величии души.

Леночка-Ёлка упорхнет в свою новую, будем надеяться, счастливую жизнь, и ангелы наверняка заглянут сегодня к ней в иллюминатор.

Последние минуты спектакля — торжество замечательного актера Крупника. Похоже, отец и сам кое-что понял, утешая дочку. Более молодая коллега вот-вот придет на новогодний ужин, поэтому домашняя куртка сменяется элегантным костюмом с "бабочкой", на столе вместо банальных салатов появляются фрукты, шампанское, свеча. И завершается спектакль звонком в дверь — два коротких, один длинный. Мы уже знаем, кто это. Хорошо, что успела. За новым, счастливым поворотом сюжета зрителя следить не приглашают.

Мария ГУДЫМА.
Фотографии Игоря Божко.

"А как у вас с величием души?..." Эта строка из стихотворения Бориса Слуцкого сегодня воспринимается свежо, неожиданно. Ну кто задается в наше время подобными вопросами? Однако задаются. Во всяком случае, герои нового спектакля "День молчания", показанного коллективом единомышленников, назвавших себя "Одесский монотеатр" в Еврейском культурном центре "Бейт Гранд", спрашивают, прежде всего, себя насчет душевного величия.

...Все остальное, кажется, в порядке, Но, не играя в поддавки и прятки, Скажите, как с величием души?

Все началось с пьесы "Ёлка", которую написал известный одесский литератор и художник Игорь Божко специально для актеров Карины Шрагиной и Семена Крупника (не удивлюсь, если окажется, что драма началась со стихотворной строки насчет величия души, но автор о том скромно умалчивает). Пьеса, посвященная памяти кинорежиссера Михаила Каца, была опубликована в последнем номере

литературного альманаха "Дерибасовская — Ришельевская" к началу международного театрального фестиваля "Встречи в Одессе". А незадолго до этого пришел режиссер Евгений Гиммельфарб и превратил пьесу в спектакль "День молчания", который впервые был показан на той же сцене в рамках названного фестиваля, во второй раз — буквально на днях, и запланирован для показа на сцене Русской драмы.

Народный артист Украины Семен Крупник работал с Кариной Шрагиной как режиссер, поставив для нее "Печальный спектакль" по пьесе Клима. Карина сыграла нынешней весной этот моноспектакль в рамках программы международного фестиваля "Интертеатр". Играть ей пришлось ни много ни мало Аглаю Епанчину, которой надо как-то сохранять все то же пресловутое величие души после всех пережитых треволнений, посещать князя Мышкина в психиатрической клинике, втайне надеясь... на что? Неужели на ответное чувство? Ряд смелых допущений был в спектакле оправдан на высоком уровне постановочной культуры. Но на этот

раз Семен Самойлович пожелал быть просто актером. И тоже не прогадал.

...Я знаю, это нелегко, непросто,
Ответить легче,
чем осуществить.

Железные канаты проще вить.
Но как там
в отношении благородства?
А как там с доблестью,
геройством, славой?

А как там
внутренний лучится свет?
Умен ли сильный?
Угнетен ли слабый?
Прошу ответ.

Предновогодняя встреча старика отца и взрослой дочери выписана драматургом словно на одном дыхании: без заглавных букв и необходимых знаков препинания. Разумеется, актеры "проговаривают" текст согласно нормам русского языка, и паузы делают вовремя, но хороший темп, заданный автором, как и исповедальность интонации, сохраняют. И делают явные акценты в местах, автором же в пьесе подчеркнутых. Еще раз вспомним,

что пьеса-то и писана на конкретных исполнителей, это многое объясняет, делает простительным некоторый авторский диктат, вроде бы заявленный в тексте. В спектакле никакого диктата не заметно, никакого пережима нет, реплики произносятся легко, естественно, и драматург, выходя на поклон, очевидно мирится с некоторыми купюрами, а также иным, более оптимистичным режиссерским финалом.

Наверное, вот так и должны рождаться спектакли: от обоюдной любви. В официальных театрах нередко приходится видеть, что актеры вынуждены иллюстрировать невроты конкретного режиссера, которых, к счастью, не разделяют. Здесь же совершенно иной случай!

...Артистка цирка, канатоходца и клоунесса, навещает отца-математика, чтобы проводить вместе старый год. А новогоднюю ночь она проведет в самолете, несущем ее на гастроли, по поверью, в небе можно будет увидеть ангелов. Из иллюминатора легче их заметить, так ведь? Но у отца, по традиции, 31 декабря — день молчания.

